

Попов Михаил Валерьевич,

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26; e-mail: popov_mv@uspu.ru

**ШКОЛЬНЫЙ ВСЕОБУЧ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
В СВЕРДЛОВСКЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-Х ГГ.**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: общеобразовательная школа; учителя; всеобуч; педагогический техникум; педагогический вуз; педагогические курсы; Коммунистическая партия; Свердловск.

АННОТАЦИЯ. Исследуется деятельность свердловских педагогических техникумов и педагогического института по подготовке учительских кадров для общеобразовательных школ в условиях введения всеобщего обязательного начального обучения и всеобщего семилетнего обучения в городах и рабочих поселках. Анализируется материальная база и преподавательский состав педагогических учебных заведений, изменения, произошедшие в учебном процессе в первой половине 1930-х гг.

Popov Mikhail Valerievich,

Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Chair of Russian History, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg)

**SVERDLOVSK OVERALL SCHOOL EDUCATION AND PEDAGOGICAL EDUCATION
IN THE FIRST HALF OF 1930-S**

KEY WORDS: comprehensive school; teachers; overall education; pedagogical college; pedagogical higher educational establishment; pedagogical school; Communist Party; Sverdlovsk.

ABSTRACT. The author examines the activity of Sverdlovsk pedagogical colleges and pedagogical institute of training teachers for comprehensive schools in the period of introducing overall obligatory primary education and overall seven year school education in the cities and industrial workers settlements. There given an analysis of the economic basis and the teaching stuff of pedagogical educational establishments as well as of the changes in the educational process in the first half of 1930-s.

Двадцать пятого июня 1930 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О всеобщем обязательном начальном обучении», в котором признал необходимым ввести повсеместно начальный всеобуч для детей 8-11 лет начиная с 1930/31 учебного года и призвал рассматривать его введение как важнейшую политическую кампанию на весь ближайший период (13, с. 109). В Уральской области еще 18 мая 1930 г. постановлением облисполкома было введено с 1 октября того же года обязательное обучение на всей территории региона за исключением отдельных северных районов для детей 8-9-летнего возраста (20, с. 356).

Однако несмотря на рост бюджетных ассигнований на развитие образования на Урале с 41,2 млн. руб. в 1929/30 уч.г. до 73,9 млн. руб. в 1930 г. и 151 млн. руб. в 1933 г. (21, с. 106), выделенных средств для решения поставленных задач было недостаточно, в том числе средств не хватало для обеспечения общеобразовательных школ необходимыми преподавательскими кадрами. Для решения поставленных задач в деле охвата детей всеобщим начальным обучением в Уральской области требовалось в 1931 г. подготовить 2900 учителей школ I ступени, однако всего педтехникумы Урала могли выпустить в этом году лишь 540 педагогов (3, л. 238).

В этой ситуации партийно-государственное руководство вынуждено было

применить чрезвычайные, в том числе административные меры, использовать общественную инициативу. Партийно-государственные органы приняли решение о мобилизации грамотного населения (имеющего образование в объеме школы-семилетки) на педагогическую работу, обеспечив необходимую профессиональную подготовку преподавателей через краткосрочные курсовые мероприятия, проводимые педагогическими техникумами. С апреля по июнь 1931 г. педагогические курсы должны были осуществить подготовку 2560 школьных работников. В качестве «культурмейцев» на эти курсы для обучения выделялись мобилизованные областным комитетом ВЛКСМ, Уралпрофсоветом, Уралколхозсоюзом, районными отделами народного образования (3, л. 238).

Двухмесячные курсы подобного рода в мае 1931 г. были организованы при свердловских (русском и татаро-башкирском) педагогических техникумах. В русском педтехникуме должно было обучаться 80 курсантов, которых было «мобилизовано»: комсомолом – 10 человек, профсоюзами – 60, районо – 10. В татаро-башкирском свердловском педтехникуме должно было обучаться также 80 курсантов, из которых комсомолом и профсоюзами на обучение было направлено по 30 человек от каждой организации, кроме того по 10 культурмейцев выделили колхозсоюз и районо. За кур-

сантами за счет государства сохранялась зарплата, которую они раньше получали, кроме того, им назначалась стипендия по 40 рублей в месяц (3, л. 238).

В свердловском русском педтехникуме курсы мобилизованных культурмейцев проводились еще осенью 1930 г. Здесь обучалось 36 человек, большинство из них были женщины – 27 курсанток; 32 обучавшихся были моложе 20 лет (1, л. 588). Как видим, в основном здесь обучались молодые девушки.

В конце мая 1931 г. на краткосрочных курсах при свердловском русском педтехникуме обучалось 165 человек, а в татаро-башкирском – 85 курсантов. Для сравнения скажем, что в Перми в это же время на аналогичных курсах обучалось 160 человек, а в Челябинске – 170 (1, л. 14). А всего, как докладывал Уралобкому ВКП(б) и облисполкому заведующий Уральским областным отделом народного образования И. А. Перель в 1930/31 уч. г. на краткосрочных курсах было обучено 3600 преподавателей школ I ступени (14, с. 3).

Учебный план двухмесячных курсов учителей начальных школ при педтехнику-

мах Уральской области был рассчитан на 26 дней по 7 учебных часов (всего 252 часа). Планом предусматривалось изучение обществоведения (35 часов), педагогики (45 часов), педологии (25 часов), «трудовых процессов в школах I ступени в связи с политехнизацией и агрономизацией» (40 часов). Кроме того, 100 часов выделялось на изучение методики преподавания в школах обществоведения, математики, родного языка, естествознания, правоведения, педагогической практики (4, л. 153). Объем знаний, получаемых курсантами, был минимальным, тем более что среди прошедших краткосрочные курсы на Урале будущих преподавателей школ I ступени 51% имели образование ниже школы-семилетки (15, с. 93).

Поэтому в октябре 1931 г. Уралобком ВКП(б) принял решение предложить УралОНО увеличить в 1931/32 уч. г. продолжительность курсовой подготовки учительских кадров, охватить учителей, прошедших курсы заочным обучением в педтехникумах (15, с. 20). Учебный план теперь уже четырехмесячных курсов был расширен до 672 часов и включал в себя изучение курсантами семи предметом (см. таблицу 1).

Таблица 1.

**Учебный план
четырёхмесячных курсов подготовки учителей школ I ступени (4, л. 107)**

Предмет	Теоретические часы	Практические часы	Всего
1. Обществоведение	75	30	105
2. Педагогика и педология	85	85	170
3. Математика с методикой	66	20	86
4. Основы физико-технических знаний (элементы механики и физики и машиноведения)	50	25	75
5. Родной язык с методикой	70	35	105
6. Естествознание в связи с агро- и зооминимумом	70	35	105
7. Политехнический труд в начальной школе	38	48	86

Курсанты должны были получить знания приблизительно равные знаниям, даваемым школой-девятилеткой. При обучении на курсах проводилась педагогическая практика в школах, где будущие учителя преподавали чтение, письмо и счет (14, л. 107).

В 1931/32 уч.г. в Уралобласти на учительских курсах преподавателей школ I ступени было подготовлено 5810 человек, однако лишь 13% из них имело базовую подготовку в объеме школы-семилетки (14, с. 42).

Поэтому заменить в полной мере стационарной учебы краткосрочные курсы не могли, и для подготовки учительских кадров для начальных школ большое значение имела деятельность педагогических техникумов, в том числе свердловских. На Урале из 26 педтехникумов в 1931 г. было выпущено 609 будущих педагогов. Среди них самым

большим был выпуск свердловского русского педтехникума – 76 человек. Кроме того, свердловским татаро-башкирским педагогическим техникумом в этом году было подготовлено 20 учителей. Для сравнения скажем, что выпуск пермского педтехникума в 1931 г. составил 49 преподавателей (3, л. 29).

В начале 1930/31 уч.г. обучение в свердловском русском педтехникуме проходило 343 человека, которые обучались на пяти отделениях: школьном (150 чел.), дошкольном (60 чел.), политикопросветительном (68 чел.), внешкольном (25 чел.), отделении труда (40 чел.). В свердловском татаро-башкирском педтехникуме на трех отделениях (школьном, политикопросветительном, внешкольном) обучалось 128 человек (2, л. 111).

В техникумы принимались лица, окончившие общеобразовательные школы повышенного типа, либо обучавшиеся на специальных педагогических курсах. В свердловский русский педтехникум на первый курс в 1931 г. было принято 109 выпускников фабрично-заводских семилеток (ФЗС) и 16 выпускников школ крестьянской (колхозной) молодежи (ШКМ), а также 7 человек, прошедших специальные подготовительные курсы. В татаро-башкирском техникуме количество принятых на первый курс выпускников школ повышенного типа было небольшим – 27 человек из 172-х зачисленных на 1 сентября 1931 г. Зато специальные подготовительные курсы в национальном среднем учебном заведении закончили 120 человек (2, л. 130).

При проведении набора в техникумы к каждому учебному заведению прикреплялись определенные районы Уральской области, куда педтехникумы посылали свои вербовочные бригады. Так, летом 1931 г. к свердловскому русскому педтехникуму было прикреплено десять районов и город Свердловск, а татаро-башкирский техникум набирал учащихся для учебы из лиц национальных меньшинств всех районов Урала (2, л. 192). В 1933 г. свердловский русский педтехникум посылал 14 вербовочных бригад в 12 районов (8, л. 165). Желавшие поступить в учебное заведение сдавали экзамены, однако конкурса среди тех, кто успешно прошел вступительные испытания, не было. Более того, имели место случаи, когда набор в свердловские техникумы сопровождался определенным рода конкуренцией с педагогическими учебными заведениями других городов, которые пытались переманить желающих учиться.

В педтехникумах обучались, главным образом, девушки. Так, в марте 1931 г. в свердловском русском педтехникуме лиц женского пола было 506 из 586 учащихся (84,3%) Всего в Уральской области процент девушек в педтехникумах составил 69% (3, л. 141. Подсчитано авторами). Что касается свердловского татаро-башкирского техникума, то здесь, наоборот, количество обучавшихся юношей преобладало – в марте 1931 г. их было 109 человек из 181 обучающегося (60%) (3, л. 141. Подсчитано авторами).

В первой половине 1930-х гг. оба свердловских педтехникума, имея общее количество обучающихся более 500-600 человек, размещались в одном общем учебном корпусе в здании бывшей Первой екатеринбургской женской гимназии по адресу ул. Карла Либкнехта, 9. В результате свердловский русский педтехникум в начале 1930-х гг. был переведен на трехсменные занятия (2, л. 111). В 1932/33 уч. г. в 18 груп-

пах при наличии 9 аудиторий занятия здесь проводились в две смены: с 8 часов 30 мин до 14 часов и с 14 часов 30 мин до 20 часов 30 мин (6, л. 67). Татаро-башкирский педтехникум помещался в том же здании, что и русский. В 1932 г. он занимал 6 комнат при 9 учебных группах (6, л. 36) и тоже был вынужден работать в несколько смен.

С конца 1920-х гг. финансирование педтехникумов осуществлялось за счет местного бюджета, обучение в этих учебных заведениях было бесплатным, в начале 1930-х гг. здесь 70-80% учащихся получали стипендию – до 40 руб. ежемесячно (2, л. 474).

В первой половине 1930-х гг. в отличие от последующего периода характерным для свердловских педтехникумов было наличие наряду со школьным отделением других отделений. В татаро-башкирском педтехникуме в 1932/33 уч. г. действовали отделения детского коммунистического движения и политпросветработы (6, л. 93). В русском педтехникуме в 1932/33 уч. г. наряду со школьным отделением функционировали отделения детского коммунистического движения, политпросветработы, дошкольное, политехническое, физкультурное и различные курсы. В 1933/34 уч. г. в русском педтехникуме кроме школьного, дошкольного и физкультурного отделений в течение года существовало дефектологическое отделение (8, л. 169).

Многое зависело от преподавательского состава учебных заведений. Весной 1933 г. в свердловском русском педтехникуме работало 34 преподавателя, 24 из них имело высшее и незаконченное высшее образование, 10 человек были членами ВКП(б) и трое – ВЛКСМ (6, л. 62). В татаро-башкирском техникуме в тот же период из 28 преподавателей среднее образование имели большинство – 18 человек (6, л. 96). При этом большинство преподавателей этого национального педагогического учебного заведения (60%) было русскими и не знало татарского языка, что усложняло преподавание, т. к. многие из учащихся техникума русским языком не владели (12, л. 99).

В 1935 г. секретарем Ленинского райкома ВКП(б) г. Свердловска указывалось на недостаточный уровень педагогической квалификации преподавателей татаро-башкирского техникума и было предложено направить для учебы в вечерний институт пятерых человек и в заочный – двух (12, л. 112). Недостаточным был уровень общеобразовательной и профессиональной подготовки руководства татаро-башкирского техникума. Так, его директор в начале 1930-х гг. Тухватиллин имел образование в объеме коммунистического университета и стаж педагогической работы – три года (4,

л. 176). Заведующий учебной частью татаро-башкирского техникума в 1931-1933 гг. К. А. Галеев имел образование лишь в объеме двухгодичной совпартшколы (6, л. 96).

В то же время директор свердловского русского педтехникума Евгений Георгиевич Георгиев закончил Академию коммунистического воспитания и имел значительный стаж педагогической работы; незаконченное высшее образование имел и зав. учебной частью этого учебного заведения – Василий Сергеевич Богданов (2, л. 104).

Учебные планы педагогических техникумов в исследуемый период включали в себя изучение таких предметов, как: математика, история классовой борьбы, немецкий язык, физика, русский язык, педагогика, география, биология, педология, химия, физкультура, политэкономика, военное дело, работа в мастерских и некоторые другие. Кроме того, в качестве особых предметов выделялись: методика преподавания русского языка, методика преподавания обществоведения и географии. Специфическими для педагогических учебных заведений были такие предметы, как детское коммунистическое движение и политпросветработа.

Что касается татаро-башкирского педтехникума, то особых, отличных от общих, предложенных Наркомпросом программ изучения предметов здесь не было. Лишь на первом курсе в этом национальном учебном заведении предусматривалось изучение трех языков – татарского, немецкого и русского. Это представляло большие трудности для учащихся вследствие того, что в педтехникум принимались люди, зачастую почти не знавшие русского языка (6, с. 93-94).

В первой половине 1930-х гг. постепенно изживались недостатки, связанные с комплексным построением программ и бригадно-лабораторными методами обучения, получившими распространение в учебном процессе в 1920-е гг. Так, в 1932/33 уч. г. в свердловском русском педтехникуме преподавание начиналось со вступительных лекций, за которыми следовала самостоятельная лабораторная работа учащихся под консультативным руководством преподавателей. Завершалось обучение проведением заключительной конференции и сдачей зачета с оценкой по четырехбалльной системе (6, л. 69). В 1933/34 уч. г. в отчете о деятельности этого техникума уже говорится о лекционно-лабораторном методе работы, когда 35% учебного времени отводилось на лекции, 40-45% на проведение бесед и 25% на самостоятельную работу учащихся. При этом отмечается практика проведения текущего учета успеваемости на беседах и консультациях (8, л. 170).

Теоретические занятия учащихся педтехникумов чередовались с проведением педагогической практики в школах и дошкольных учреждениях города Свердловска. В октябре 1934 г. свердловская школа №58 была превращена в базу для проведения педагогической практики учащимися педтехникумов. Учителям этой школы за их деятельность в организации педпрактики заработная плата была увеличена на 25% (5, л. 7).

В постановлении ЦК ВКП(б) от 25 июня 1930 г. «О всеобщем обязательном начальном обучении» указывалось, что наряду с введением начального всеобщего, необходимо с 1930/31 уч. г. приступить к введению обязательного семилетнего всеобщего в городах, фабрично-заводских районах и рабочих поселках, установив обязательность обучения в семилетке для кончающих в этом году начальную школу (13, с. 98). Выполнение этой задачи требовало подготовить учителей-предметников для общеобразовательных школ повышенного типа.

В Уральской области для выполнения указаний большевистского руководства требовалось подготовить к 1 сентября 1931 г. 1036 учителей, в то время как выпуск из высших педагогических заведений Урала в 1931 г. составлял 370 человек (3, л. 238). Поэтому УралОНО был разработан план проведения краткосрочных курсов подготовки преподавательских кадров для повышенных общеобразовательных школ. В Свердловске такие трехмесячные курсы проводились при открывшемся 26 августа 1930 г. Уральском индустриально-педагогическом институте (УРИПИ). На этих курсах весной 1931 г. должно было пройти подготовку 120 учителей-предметников по физике (3, л. 238). УРИПИ был 86-м вузом страны и с первых шагов развивался как высшее учебное заведение, готовящее педагогические кадры в большей степени для общеобразовательной школы.

Первоначально количество студентов в институте было небольшим. На 1 января 1931 г. на дневном отделении обучалось всего 66 студентов. Продолжительность обучения устанавливалась от 2,5 до 3,5 лет. В состав вуза входило восемь факультетов: историко-экономический, физико-технический, химико-технологический, педагогический, литературный, химический и организационно-инструкторский (21, с. 19). В 1932 г. в УРИПИ насчитывалось 9 кафедр, на которых читались курсы: физики, химии, математики, технологии, графики, механики, минералогии, геодезии, экономической статистики, химического анализа и химической технологии воды и топлива, физической химии, истории, философии, педагогики, психологии, педологии, ан-

лийского и немецкого языков, физической культуры и военного дела (15, с. 55). В 1931/32 уч. г. в институте обучалось уже 237 человек. По подсчетам В. П. Леднева из них 169 человек (больше половины) ориентировалось на профессионально-технические специальности (18, с. 55).

И все-таки, на наш взгляд, в значительной степени УрИПИ был высшим учебным заведением, где готовились преподаватели-предметники для общеобразовательных школ. Некоторые исследователи указывают, ссылаясь на постановление Совнаркома РСФСР от 25.08.1930 г., что УрИПИ был создан «для подготовки преподавательских кадров для школ ФЗУ и ФЗС» (22, с. 87). Все это верно, однако в 1930 г. были ликвидированы школы второй ступени, и старшие классы общеобразовательных школ функционировали только в повышенных школах с профессиональными уклонами – индустриальными и сельскохозяйственными. В официальном статистическом справочнике тех лет «Уральское хозяйство в цифрах 1931-1932 гг.» указывается, что общеобразовательными школами повышенного типа на Урале являются только фабрично-заводские семилетки (ФЗС) и школы крестьянской (колхозной) молодежи (ШКМ) (25, с. 315). Согласно данным статистики в 1931/32 уч. г. в городах Уральской области действовала 291 ФЗС, в сельской местности – 293 ШКМ (25, с. 315).

Не случайно в начале 1930-х гг. и педагогические вузы создавались со специализацией как индустриальные или сельскохозяйственные. Например, в Уральской области на базе бывшего педагогического факультета Пермского университета был открыт Пермский индустриально-педагогический институт, в Тюмени – аграрно-педагогический педвуз (26, с. 233).

Таким индустриально-педагогическим институтом и был УрИПИ. Из стен подобных вузов выпускались специалисты широкого профиля (цикловики, как тогда говорили). Циклы предметов были разными: общественно-экономический (обществоведение, экономическая география, родной язык и литература), физико-технический (математика, физика, механика), естественно-технологический (станковедение, химия, технология). Для школ крестьянской молодежи и средних сельских школ учителей готовили аграрно-педагогические вузы. Поскольку сельские школы были малокомплектными, учителя сельских школ должны были быть «многостаночниками» и их готовили как специалистов широкого профиля.

В школах фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) также преподавались общеобразовательные предметы и требовались со-

ответствующие преподаватели. 1930/31-1931/32 уч. гг. были временем, когда руководство и преподавательский состав УрИПИ проводили работу по четкому уяснению профиля вуза – кого готовить? В марте 1931 г. в институте был проведен ряд совещаний по этой проблеме. Материалами для разработки документов, определяющих подготовку специалистов, служили учебные программы и планы работы ФЗУ и техникумов, а также информация, полученная преподавателями во время посещения ими промышленных предприятий (24).

Вместе с дневным при УрИПИ были созданы заочное и вечернее отделения, функционировал рабочий факультет (рабфак), филиалы которого были созданы в Челябинске, Нижнем Тагиле, Сарапуле, Невьянске, Ирбите, Алапаевске, Бакале. На 1 июня 1932 г. при институте (с учетом филиалов) обучались 411 рабфаковцев (18, с. 55).

Чрезвычайно остро стоял в институте и вопрос о преподавательских кадрах. Большинство профессоров, доцентов, ассистентов работали в вузе по совместительству. В поименном списке штатных работников УрИПИ на 1 февраля 1932 г. значилось всего 17 человек. Среди них заведующий кафедрой физики профессор П. А. Смирнов; заведующий кафедрой химии профессор М. А. Докукин; профессор А. Н. Гвоздев; доцент В. А. Курбатов; доцент Н. А. Менчинская; доцент З. Ф. Торбакова; доцент Р. П. Караковская; Д. Э. Скворцов (23, с. 21).

В 1932 г. в УрИПИ работало среди штатных сотрудников 6 доцентов, 2 ассистента, 6 аспирантов, 1 преподаватель. Совместителями было 5 профессоров, 25 доцентов и 2 ассистента. Таким образом, 75% преподавателей были совместителями. Накануне учебного года в институте некому было вести занятия по педагогическим дисциплинам и методике преподавания специальных дисциплин (7, л. 113).

За два года своего существования Уральский индустриально-педагогический институт не имел своего здания и располагался в съемных помещениях. В сентябре 1930 г. институт располагался в четырех комнатах в здании педагогического техникума (ул. К. Либкнехта, 9). Институту было разрешено пользоваться несколькими аудиториями, принадлежащими техникуму (18, с. 56). В 1931 г. он уже размещался в помещении ФЗС №11 (сейчас здание УрФУ по ул. Куйбышева), а зимой 1932 г. институт был переведен в здание по ул. 8 Марта, 62 (сейчас здание УрГЭУ) (18, с. 57).

Первым директором УрИПИ был Семен Давыдович Аносов, ставший во главе вуза в возрасте 32-х лет. Он родился в крестьянской семье, учился в Варшавском уни-

верситете. Служил в Красной Армии с 1918 г. по 1920 г. После войны закончил Дальневосточный университет, в котором позже преподавал историю и философию. В марте 1931 г. директором института была назначена Анна Николаевна Бычкова, член ВКП(б) с 1906 г., председатель Свердловского горсовета. В 1920-е гг. А. Н. Бычкова была на руководящей работе в органах народного образования в Свердловске. После ее отъезда в Москву в ноябре 1931 г. С. Д. Аносов, вновь вернувшийся на пост директора института, одновременно с 1932 г. занимал должность заведующего свердловским горОНО. Совмещение должностей было символичным. Именно в конце 1932 г. окончательно определился профиль института как учебного заведения, готовящего преподавателей общеобразовательных дисциплин для средней школы. Все технические специальности в 1933 г. были переданы другим высшим учебным заведениям города Свердловска, а сам он стал называться Уральским педагогическим институтом. В 1933 г. УПИ был переименован в Свердловский государственный педагогический институт (СГПИ) (21, с. 20).

В августе 1933 г. директором института назначается Владимир Евгеньевич Семенов. Родившийся в семье служащего железной дороги в Смоленске, он длительное время учительствовал в Смоленской области, был директором школы, высшее образование получил в Академии коммунистического воспитания.

Четкое определение профиля вуза позволило внести в его учебную деятельность много нового. С 1932/33 уч. г. был осуществлен переход на твердые учебные планы. Изменения произошли в методиках преподавания: бригадно-лабораторный метод как универсальный и бригадная форма обучения как обязательная были ликвидированы. В преподавании увеличилось значение лекций и самостоятельной лабораторной работы студентов (9, л. 6). В 1932 г. институты были переведены на шестидневную неделю при шестичасовом учебном дне с установлением 50 рабочих недель в году и введении единых студенческих каникул. Вводилась дифференцированная форма оценок знаний, устанавливались две зачетные сессии в учебном году, экзамены и дипломные работы (21, с. 20).

В сентябре 1934 г. с целью подготовки кадров для неполных средних школ по ускоренной программе при СГПИ был открыт учительский институт. В его состав входили отделения: физико-математическое, географическое, историческое, литературное. Выпускники учительских институтов получали неполное среднее образование. В этом же

году были организованы курсы для подготовки в вуз и для сдачи учительских экзаменов (экстерном) за высшую школу (21, с. 20). Именно учителями-предметниками для средних школ были те, кто закончил дневное (58 человек) и вечернее (48 человек) отделения в 1934 г.: квалификацию учителя химии получили 27 выпускников и учителя обществоведения 13 человек (23, с. 21).

Что касается заочного отделения, то в первой половине 1930-х гг. в СГПИ работа заочного сектора еще не была налажена: в 1932/33 уч. г. отсеб заочников составлял 50% от числа принятых (9, л. 7). Многие учителя, учившиеся заочно, сталкивались с большими трудностями, бросали учебу, либо отчислялись за систематическое невыполнение плана. К 17 сентября 1933 г. на планировавшиеся в институте 350 мест на заочное отделение было подано 98 заявлений (9, л. 7). Однако редко кому из заочников удавалось завершить обучение. В. Г. Чуфаров приводит парадоксальный факт, что за 1931-1935 гг. свердловский пединститут окончил только один человек (24, с. 252). Несмотря на то, что с 1931 по 1935 гг. численность студентов дневной и заочной формы обучения в СГПИ возросла с 130 человек до 942-х, качественный состав вуза оставлял желать лучшего: из 66 преподавателей в 1935 г. было лишь 2 профессора и 20 доцентов, велика была доля совместителей – 27 специалистов из 66 (21, с. 21).

Таким образом, к середине 1930-х гг. СГПИ окончательно формируется как высшее учебное заведение педагогического образования, готовящее учителей-предметников для средних и неполных средних школ. Пединститут и свердловские педагогические техникумы вместе с созданными на базе этих учебных заведений курсами подготовки учителей сыграли важную роль в деле обеспечения преподавательскими кадрами общеобразовательных школ Урала и введения всеобщего обучения в крае.

Если говорить об особенностях деятельности педагогических учебных заведений города Свердловска в первой половине 1930-х гг., то хотелось бы отметить крайне низкий уровень материального обеспечения этих образовательных учреждений, их преподавателей и учащихся. Это связано прежде всего с резким снижением жизненного уровня населения с конца 1920-х гг. в связи с начавшимся формированием темпов индустриализации и коллективизации. В это время в городах происходит замена свободной торговли товарами первой необходимости нормированным распределением через закрытые потребительские кооперативы посредством введения так называемых заборных книжек, т. е. карточек.

Питание, получаемое по карточкам в магазинах и в столовых, было недостаточным и низкокалорийным. Об этом свидетельствуют материалы обследований свердловских педтехникумов. Так, весной 1933 г. в свердловском русском педтехникуме учащиеся не получали в день даже положенного им пайка 800 г хлеба (6, л. 67). Комиссией, проводившей обследование техникума, отмечались жалобы учащихся: «Не живем, а голодаем» (6, л. 68). В 1933/34 уч. г. в русском педтехникуме в столовой в небольшом помещении обслуживалось в день 700 человек посетителей, что приводило к большим очередям (8, л. 166).

В татаро-башкирском педтехникуме в декабре 1932 г., поскольку студенты не имели возможности заплатить за обеды необходимую сумму, чтобы уменьшить стоимость каши, она подавалась без соли (6, л. 104). Учащиеся для получения обеда простаивали в очереди 2-3 часа, так как столовая, обслуживавшая 900 человек, помещалась в двух небольших помещениях и имела одно раздаточное окно (6, л. 103).

Плохо были обеспечены воспитанники техникумов одеждой и обувью. В декабре 1930 г. в свердловском русском педтехникуме из-за отсутствия теплых вещей учащиеся не могли выехать на производственную практику в школы. Директор техникума Е. Г. Георгиев обратился в партийные органы с просьбой воздействовать на Уралторг для того, чтобы учащиеся получили необходимую одежду и обувь (11, л. 11). В декабре 1932 г. 6 человек воспитанников татаро-башкирского техникума, не имея возможности одеться соответствующим образом, не ходили на занятия (6, л. 103). Многие учащиеся не имели сменной пары нижнего белья и неделями не делали его замены (6, л. 103).

Несколько лучше обстояло дело с обеспечением продуктами и предметами первой необходимости в УРИПИ-СГПИ. В начале 1931 г. для улучшения снабжения студентов уральских вузов Уралоблсоюзом потребительской кооперации были организованы закрытые распределители в Свердловске и других городах (24). Для того чтобы улучшить питание студентов, в 1931 г. директором УРИПИ А. Н. Бычковой по комнатам в общежитиях создавались бытовые коммуны (23, с. 23). В 1933 г. институт заключил договоры с рядом хозяйств на селе и создал свою собственную продовольственную базу: 5 га земли, 17 коров, 3 лошади, 60 кроликов. При институте работали свои пошивочная, сапожная мастерские и парикмахерская (23, с. 20-21). Особое значение для улучшения положения с продовольствием имело заключение договора институтом с Ларихин-

ской МТС (9, л. 5). Однако материальное положение студентов УРИПИ-СГПИ оставалось тяжелым. В 1932-33 уч. г. из-за материальных трудностей вуз оставили 65 обучавшихся (9, л. 7).

В начале 1930-х гг. тяжелыми были и условия проживания в общежитиях свердловских педтехникумов и пединститута. Обследование общежития русского техникума осенью 1933 г. выявило большую скученность проживающих здесь учащихся, вплоть до того что многие спали по двое на одной кровати. При этом половина кроватей не имели матрацев, обеспеченность одеялами и простынями постелей составляла 20% (6, л. 67). Осенью 1933 г. из-за холодов и нехватки топлива 250 человек, проживавших в общежитиях русского педтехникума, были переселены в зал отопляемого учебного корпуса (8, л. 165).

В двух общежитиях свердловского татаро-башкирского педтехникума (по ул. Беллинского, 34 и ул. Сакко и Ванцетти, 8), рассчитанных на 160 мест, весной 1933 г. размещалось 260 человек, в результате не хватало даже кроватей и многие спали на столах (6, л. 89). Здесь в морозные зимние месяцы нередко были случаи с перебоями в отоплении из-за нехватки дров. Так, в декабре 1930 г. в общежитии татарского техникума из-за отсутствия топлива несколько дней не топились печи и замерзающие учащиеся вынуждены были временно переехать в отапливаемые общежития УралОНО (11, л. 11).

Что касается свердловского пединститута, то в начале 1931 г. для строительства общежития для студентов из местного бюджета было выделено 15 тыс. рублей (2, л. 7), и в феврале этого же года засыпные здания барачного типа по адресу ул. 8 марта, 159 и 161 были построены и заселены студентами. Об условиях проживания здесь свидетельствуют такие факты, как отсутствие в зданиях водопровода и канализации, а до 1934 г. и электрического освещения (9, л. 5).

Острый недостаток необходимых учебных помещений, голод и холод начала 1930-х гг. начали преодолеваться в 1934 г. Именно в это время СГПИ, размещавшийся ранее в арендуемых помещениях, получил в собственное владение здание бывшей городской думы по улице Малышева, 46, а также кирпичный дом для преподавателей в Банковском переулке, 9 (23, с. 25). Расширилось финансирование института: если в 1933 г. средний расход денег на одного студента составлял 1722 руб., то в 1934 г. – уже 2392 руб. (22, с. 20). В 1935 г. свердловский русский педтехникум переехал в здание по улице Толмачева, 8. В 1934 г. этот техникум получил для размещения учащихся новые теп-

лые дома, где раньше размещались различные административные учреждения и архив (8, л. 165). Большое значение имела ликвидация в стране в 1935 г. нормированной (карточной) системы распределения среди населения продуктов питания и товаров первой необходимости.

Одной из характерных черт советского периода истории, в т. ч. в первой половине 1930-х гг. была особая роль организаций ВКП(б) и ВЛКСМ в обеспечении государственного руководства (в том числе идеологического) учебными заведениями. В начале 1930-х гг. при свердловском русском педтехникуме действует партячейка, в составе которой насчитывалось 8 коммунистов. Она включала лишь преподавателей и административно-хозяйственный персонал (8, л. 167). Аналогичной по составу в 1933 г. была партгруппа при татаро-башкирском педтехникуме (6, л. 97).

Иное дело – парторганизация пединститута. Здесь в составе партячейки преобладали студенты. В конце 1933 г. партячейка СГПИ насчитывала 53 человека (9, л. 6). При партячейке была группа «сочувствующих». В условиях, когда в партии отсутствовал прием новых членов (по решению январского пленума ЦК ВКП(б) 1933 г.), такие группы включали в себя активистов, работавших под руководством партийной организации. В группах «сочувствующих» проводились собрания, «сочувствующие» выполняли партийные поручения.

Большинство учащихся и студентов педагогических учебных заведений г. Свердловска в первой половине 1930-х гг. были комсомольцами. Но это было не подавляющее большинство, как это было во второй половине XX века. В 1931 г. в свердловском русском педтехникуме из 586 обучающихся членами ВЛКСМ являлись 322 человека, в свердловском татаро-башкирском – из 181 воспитанника – 132 (3, л. 141). Весной 1933 г. в русском педтехникуме комсомольцев было 67% (6, л. 63), а в татаро-башкирском – 75% (6, л. 68). Членство в ВЛКСМ давало основание партийным органам привлекать молодежь к участию в хозяйственно-политических и культурных кампаниях на общественных началах. В начале 1930-х гг. особое значение имело участие учащихся педагогических учебных заведений в культурном походе в качестве культармейцев-общественников, обучавших взрослое неграмотное население. В 1930/31 уч. г. по сведениям Уральской областной особой комиссии по ликвидации неграмотности комсомольцами свердловского татаро-башкирского педтехникума в Манчажском районе было обучено 385 человек неграмотных из проживавших здесь пред-

ставителей национальных меньшинств (3, л. 471), а студентами УрИПИ в это же время в подшефных районах в культармию было завербовано 387 человек преподавателей-культармейцев, работавших на общественных началах (24).

В советский период партийные и комсомольские органы одной из форм усиления производственной и общественной активности населения считали организацию «социалистического» соревнования. Что касается «социалистического» соревнования в учебных заведениях, в том числе педагогических, то в 1930-е гг. это явление имело определенные особенности и в исторической литературе получило неоднозначную оценку.

В свердловском пединституте и педтехникумах в этот период прежде всего бросается в глаза формализм в организации соревнования: погоня за количеством формально соревнующихся студентов, учащихся и преподавателей. В 1933 г., например, одним из показателей активности соревнующихся партийно-советские органы считали подписание договоров о соревновании между учебными группами, обучающимися и педагогами. Формальное подписание договора считалось показателем участия в соревнованиях (10, л. 7; 8, л. 169). В первой половине 1930-х гг. УрИПИ-СГПИ подписывал договоры о соревновании с Пермским пединститутом, а свердловские педтехникумы с педтехникумом Перми.

Другим показателем являлось количество соревнующихся, объявивших себя «ударниками», т. е. теми, кто брал на себя «повышенные обязательства» в осуществлении различного рода деятельности. Зачастую оказывалось так, что ударники, по формальным показателям опережавшие остальных соревнующихся, не справлялись со своей основной работой. Можно положительно оценить имевшее место соревнование за лучшее состояние комнат в общежитиях, однако соревнования между учебными группами по уровню успеваемости, посещаемости, качеству знаний приводило к припискам при подведении итогов, к снижению качества обучения в угоду формальным количественным показателям. Если моральное поощрение победителей соревнования путем занесения их на «красную доску» имело место в последующие периоды, то от практики организации «черных досок», получившей широкое распространение в первой половине 1930-х гг. в дальнейшем пришлось отказаться.

Большевистское руководство в изучаемый период требовало придерживаться «классового» подхода при комплектовании пединститута и педтехникумов: предпочте-

ние отдавалась выходцам из рабочих и крестьян за счет выходцев из бывших привилегированных слоев. Так, в августе 1934 г. из допущенных к вступительным экзаменам рабочих и крестьян по своему социальному происхождению были: в свердловском русском педтехникуме – 70%, в татаро-башкирском – 97% (8, л. 39. Подсчитано авторами). В СГПИ из допущенных к вступительным испытаниям рабочих и крестьян было почти 57% (8, л. 39. Подсчитано авторами).

Всеобъемлющим был идеологический контроль Коммунистической партии над деятельностью педагогических учебных заведений. Партийные органы следили за тем, чтобы преподавание велось строго в соответствии с идеологическими установками высшего партийно-государственного руководства страны. Установки эти исходили из сталинской трактовки марксистского учения, и отступление от них расценивалось как политическая безграмотность. Это касалось даже оговорки при изложении преподавателями материала на занятиях, неудачно построенных фраз. Например, в журнале «Культфронт Урала» в июне 1932 г. была помещена статья Д. Козлова «Улучшить работу педвузов и техникумов», в которой за «политическую неграмотность» резкой критике был подвергнут преподаватель математики УрИПИ В. А. Курбатов, потому что на занятии, рисуя эллипс на доске, сказал: «Вот вам, товарищи, генеральная линия партии». Здесь же «политически безграмотным» было охарактеризовано заявление на лекции в свердловском русском педтехникуме преподавателем Курочкиной, что уральские «шахтеры настоящего дня – серые, грубые, с потертыми глазами, кривыми ногами...» (16, с. 48).

Если же преподаватели настаивали на своей версии идеологической трактовки излагаемого ими материала, расходящейся с официальной идеологией, то они объявлялись оппортунистами, что в конечном счете вело к снятию их с занимаемых должностей (коммунистов исключали из ВКП(б)). Например, в 1933 г. в правом оппортунизме был обвинен и снят с работы преподаватель философии СГПИ В. С. Соколов за то, что «внес теоретическую путаницу в вопросы о классах (признавал в основном два класса – рабочих и колхозников, единоличное крестьянство относил к промежуточному классу)» (9, л. 6). В оппортунизме был обвинен и преподаватель политэкономии пединститута Клязник, который утверждал, что производительный труд в условиях советской экономики только тот труд, который непосредственно применялся на предприятиях. Особую негативную реакцию в парторганах вызывало то, что Клязник «труд... партии и

т. Сталина не считал производительным, отождествляя труд т. Сталина с трудом Николая II» (9, л. 6).

Подобные обвинения в «идеологических извращениях» выдвигались не только преподавателям общественных наук. В 1932/33 уч. г. в пединституте с работы были сняты: профессор Гордон за «протаскивание... идеологических установок в преподавание истории Запада», преподаватель истории Нецкий за «биологизацию человека», преподаватель педагогики Прохоров за «апологизацию американской школы» (9, л. 6).

В краткой хронике событий, связанных с историей УрГПУ, ее автор А. М. Лушников, описывая события с 1930 по 1934 г., трижды (декабрь 1931 г., январь 1932 г., февраль 1934 г.) отмечает увольнения преподавательского состава из института за «оппортунистические извращения» и «ошибки идеологического характера» (19, с. 127-128).

Особенно острый характер «борьба с оппортунизмом», «политической безграмотностью», за «чистоту социального состава партии» приобретает в педагогических учебных заведениях Свердловска во время партийных чисток 1933-1934 гг. Оценка этих кампаний не может быть однозначной: с одной стороны, в результате их проведения повышалась производственная и общественная активность членов ВКП(б), а с другой – из партии в ряде случаев необоснованно исключались за «непролетарско-крестьянское происхождение», «политическую неграмотность» и «пассивность».

Чистки проводили специально созданные партийными органами комиссии на партийных собраниях, на которые приглашались и беспартийные преподаватели, учащиеся и сотрудники педагогических учебных заведений. Здесь заслушивались характеристики всех членов и кандидатов в члены ВКП(б) от директора до учащегося и технического сотрудника. Предметом оценки и обсуждения были производственная и общественная активность коммунистов, их поведение в быту и моральные качества, социальное происхождение, политическая грамотность и т. д.

Количество исключенных из партии («вычищенных») и получивших взыскания было значительным. Например, в СГПИ в сентябре 1933 г. из 53 членов и кандидатов ВКП(б) в результате чистки из партии было исключено 10 человек. Кроме того, пятеро из членов ВКП(б) в качестве наказания были переведены в кандидаты, а двое в «сочувствующие» (9, л. 9).

Таким образом, в первой половине 1930-х гг. свердловские педагогические техникумы и институт внесли существенный вклад в решение задачи введения всеобщее-

го обучения на Урале, обеспечив расширющуюся школьную сеть преподавательскими кадрами. В условиях ускоренных темпов культурных преобразований в начале 1930-х гг. особую роль в подготовке педагогов имела деятельность краткосрочных курсов подготовки учителей, действовавших при педагогических учебных заведениях. В то же время к середине 1930-х гг. в свердловских педтехникумах остались функционировать только школьные отделения, что окончательно определило их профиль как учебных заведений, готовящих преподавателей для начальных училищ. К

1933/34 уч. г. окончательно определился и профиль свердловского пединститута как высшего учебного заведения, готовящего учителей-предметников для общеобразовательных школ.

К 1935 г. значительно улучшилось материальное положение педагогических учебных заведений г. Свердловска: расширилось их финансирование, обеспеченность учебными площадями. Повышение жизненного уровня населения страны коснулось преподавателей, сотрудников, учащихся и студентов – голод и холод начала 1930-х гг. ушли в прошлое.

И С Т О Ч Н И К И

1. Государственный архив Свердловской области. Ф.Р 233. Оп. 1. Д. 1359.
2. Государственный архив Свердловской области. Ф.Р 233. Оп. 1. Д. 1396.
3. Государственный архив Свердловской области. Ф.Р 233. Оп. 1. Д. 1408.
4. Государственный архив Свердловской области. Ф.Р 233. Оп. 1. Д. 1546.
5. Государственный архив Свердловской области. Ф.Р 1427. Оп. 2. Д. 2.
6. Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 161. Оп. 1. Д. 117.
7. Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 161. Оп. 1. Д. 211.
8. Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 161. Оп. 1. Д. 341.
9. Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 240. Оп. 1. Д. 1.
10. Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 240. Оп. 1. Д. 6.
11. Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 327. Оп. 1. Д. 2.
12. Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 327. Оп. 1. Д. 4.

Л И Т Е Р А Т У Р А

13. Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании за 1917-1947 гг. М.-Л. 1947. Вып. I.
14. Культфронт Урала. 1931. №8.
15. Культфронт Урала. 1931. №9-10.
16. Культфронт Урала. 1932. №1-2.
17. Культфронт Урала. 1933. №1.
18. Леднев В. П. Профессионально-педагогическое образование на Урале: становление и развитие Екатеринбурга. Екатеринбург : Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2004.
19. Очерки истории Уральского государственного педагогического университета. Екатеринбург, 2001.
20. Официальный сборник важнейших законов правительства, постановлений и распоряжений Уралоблисполкома. Свердловск 1930. №28-29.
21. Попов М. В., Протасова Э. Е., Бахтина И. Л., Мосунова Т. Г. Государство и начальное образование в уральской деревне в 1920-1941 гг. Екатеринбург, 2009.
22. Пропп О. В. Начало высшего педагогического образования на Урале / О.В. Пропп // Педагогическое образование на Урале: история и современность : сб. мат-лов науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2012. Ч. 1.
23. Уральский государственный педагогический университет. 1930-2010 гг. Екатеринбург, 2010.
24. Уральский рабочий – орган Уралобкома ВКП(б) и облисполкома.
25. Уральское хозяйство в цифрах 1931-1932 гг. Свердловск, 1933.
26. Чуфаров В. Г. Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции. 1920-1937 гг. Свердловск, 1970.

Статью рекомендует д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.